

ДОРОГИЕ МОИ УЧЕНИКИ

При постоянном декларировании личноориентированного образования знаем ли мы своих учеников? Пишем ли характеристики, раскрывающие характер ребят, — индивидуальные, а не стандартные: «дисциплинирован, к учёбе относится ответственно»?

Предлагаем вашему вниманию размышления учителя о своих учениках, в основе которых — глубокое их изучение, внимание к душевным движениям своих питомцев.

Вадим Слуцкий,
председатель
Карельского
регионального
общественного
движения
«Демократические
реформы
в образовании»,
аспирант
Карельского
государственного
университета,
учитель русского
языка и литературы

Самая большая странность педагогической литературы в том, что в ней совершенно *нет детей*. Никто не пишет *о детях*: о том, чем они живут, какие они, об их проблемах, потребностях. Пишут о другом: как учителя работают с детьми, о *своих* методах, приёмах, технологиях — *о себе*. И часто кажется: эти авторы ничего и не знают о детях, потому что дети им неинтересны.

Педагоги уверены: главное в школе — то, что планируется, организуется взрослыми, — обучение. Но дети, став взрослыми, вспоминают чаще всего о *человеческих отношениях* со сверстниками и учителями. Ребёнок в школе познаёт себя и других, а главное — ищет себя, *становится собой*. Но нам, взрослым, часто не до детей с их проблемами: мы заняты своими параграфами и программами. Дети заняты главным, мы — второстепенным. Живём отдельной от детей жизнью, чужие друг другу, обделяем тем самым и детей, и себя, потому что и профессиональное удовлетворение, и человеческое счастье педагога зависят *от человеческих отношений с учениками*.

Именно о них — мой рассказ. И ещё — о двух мирах: взрослом и детском, которые всё ещё отделены друг от друга, но должны стать единым целым — человеческим миром. Я не открыл новых педагогических законов, не разработал новых методик. Но в моём рассказе есть невымышленные истории о том, как одиннадцатилетняя девочка по имени Тамара играла на уроке литературы фишками и не слушала учителя, а он даже не сделал ей замечания. О том, как мальчик по имени Андрей сначала исписал все стены в школе ругательствами в адрес учителя, а потом подружился с ним. О том, как девочка по имени Аня увидела в сосне с причудливо разветвлённым стволом рюмку, а остальные не увидели.

Мой 6«В»

Самое главное для учителя, когда он берёт новый класс, — побыстрее познакомиться с детьми. Настоящая работа начинается только тогда, когда ты знаешь детей. Узнав, что буду работать в 6«В» (их учительница, Ольга Николаевна, уходит в декрет), я пошёл к ним на урок. Для меня это правило: если нет возможности увидеть класс, разговариваю с прежними учителями, смотрю фотографии и личные дела. По внешности иногда можно судить о характере, в личных делах есть записи о болезнях и оценках. Но лучше всего посмотреть на самих детей.

Ольга Николаевна, молодая миловидная женщина, вела урок очень добродушно, а класс развлекался, как мог: Андрей кривлялся и «выдавал» остроумные реплики; Ваня, отпросившись выйти, уточнил, хихикая, что направляется в «туалэт», что, конечно, вызвало в классе приступ веселья. Было шумно, безалаберно; некоторые дети постоянно напращивались на ответ, большинство весь урок отмалчивалось.

Но меня интересовало не это: я видел много хорошего: умные, красивые лица; в репликах с места — хотя порой ехидно-нагловатых — проблёскивало настоящее остроумие; захлёбывающиеся ответы (побыстрее сказать, чтоб не перебили!) были дельные, язык часто неплохой, интеллигентный. Я сидел перед классом, чтобы видеть лица детей, смеялся вместе с ними, когда было смешно. Запомнил несколько имён, и как-то сразу они мне понравились. Но умение разглядеть за маской обычной детской самозащиты — разболтанности, невоспитанности — то, что внушает симпатию, приходит не сразу. Этому очень важному для педагога умению надо учиться.

На первых моих уроках продолжался, просто по инерции, «Ольги-николаевнин» балдёж. У детей ещё не развиты воля и сознание, они не умеют переключаться сразу: кабинет тот же, урок тот же, — автоматически срабатывают прежние стереотипы поведения. Я не обращал на это внимания, даже ни разу не сделал никому замечания. Узнавал детей, всматривался в них: вот эта девочка очень уверена в себе, любит отвечать, умна, но лицо холёно-надменное, держится особняком. А этот мальчик явно из трудной семьи: как что-нибудь скажет, так хоть всех святых выноси. Накапливал наблюдения, и всё это время довольно-таки вызывающее поведение класса не получало с моей стороны никакого осуждения. Разговаривал с детьми, как обычно, уважительно: так, как обращаются к солидным взрослым людям, — с симпатией; если нужно было, повторял два-три раза одно и то же (в классе было шумно). Я знал: это пройдёт, и терпеливо ждал.

После третьего или четвёртого моего урока — дети уже ушли — в кабинет заглянула соседка, пожилая учительница, поздоровалась и сказала, улыбаясь: «Удивляюсь, как вы с ними так спокойно, выдержанно! Я тут за стеной — всё слышу, а вы даже голоса не повысили. Нет, я так не могу: сначала накричу, наведу порядок, а уж потом можно работать!» Я только улыбнулся ей и ничего не ответил.

Да, это у нас распространённый «метод». Но ведь это значит с самого начала, с первого знакомства *разрушить мостик человечности*, по которому только и можно дойти до их душ и сердец. А как же потом воспитывать? Хотя, впрочем, наши учителя не воспитывают, они «работают»: проводят уроки. Поэтому класс нужно сначала «забить», чтобы всё живое молчало, и тогда уже спокойно и комфортно «работать». А мне человеческая связь с детьми дороже. Да и порядок в классе через месяц-полтора был, притом что я пальцем о палец не ударил ради него.

Но пока до этого было ещё далеко...

Вот Оля — она самая маленькая в классе, а лицо у неё, как у взрослой женщины. В детских лицах всегда есть непосредственная эмоциональность, радость жизни, оттого они такие симпатичные, милые. Но Оля сосредоточена, напряжена — ни следа детского в этом лице — и если присмотреться к ней, становится жутко: крошечная девочка, детский воротничок, косичка, и — это лицо. Такими изображали детей средневековые художники: пропорции тела, костюмчики детские, а лица, хоть и маленькие, но такие, как у взрослых.

«Ребёнок — рентгеновский снимок семьи», — сказал А.С. Макаренко. Ещё ничего не зная о семье Оли, я уже был уверен: там что-то не в порядке. У Оли блестящие способности, прекрасная память, она возбуждает учебники слово в слово, очень грамотная, но мыслит стандартно... робко. Когда пишет творческую работу, даже самую простую, обязательно раз десять подойдёт ко мне и с маниакальной настойчивостью спрашивает: «А так можно сказать? А так можно написать?» Она — круглая отличница, но каждой новой «пятёрки» жаждет, словно от неё зависит судьба... На все вопросы учителя Оля стремится ответить сама: ей мучительно тяжело вынести, когда спрашивают не её. Если всё-таки отвечает кто-то другой, она зло язвит — зависть: не она в центре внимания, а другой!

Дети редко поднимают руку, как положено: нужно же, чтобы учитель заме-

тил! Но Оля всех переплюнула: она попросту встаёт за партой с высоко поднятой рукой. Я шутил: боюсь, ты к потолку приклеишься...

Оля — «врединка» (это я её так называл): следит за речью учителя и одноклассников, за всеми записями на доске, и стоит кому-то допустить хоть крошечную ошибку, она злорадно поправляет. Ей это доставляет удовольствие. Этот ребёнок — настоящий монстр: не пропускает ни одной нашей ошибки или описки. Хорошо бы нам почаще задумываться, где корни подобной «внимательности», «усидчивости» и вообще «примерности» наших учеников. Давно убедился: самые трудные дети в школе — «примерные» ученики.

Но Оля не единственный в нашем классе ребёнок с большой душой.

Катя — тоже очень умная, даже талантливая девочка, пишет оригинальные стихи. Но на её лице — худеньком, бледненьком — всегда несчастное, испуганное выражение. Как и Оля, она очень одинока, в том числе и в классе: есть такой психологический термин «коэффициент изолированности» — так вот обе они в начале года входили в этот коэффициент.

Катина мама — директор коммерческой фирмы; отец — руководитель рок-ансамбля. Впрочем, не отец — отчим. С отцом Кати мать разошлась. Отчим же вечно в разъездах и с девочкой у него отношения, видимо, прохладные: они не конфликтуют, но и не дружат. Мама пришла в школу: объясняться со мной. Это высокая, сильная молодая женщина, прекрасно одета и была бы красива, если бы не надменно-жесткое, холодное выражение лица. Мою записку, посланную ей, она поняла так: я критикую её родительские достижения и распространяю о ней клевету. Разговаривала грубо, явно стремясь поставить меня на место, ничего не слушала, объяснила, что если ей будет нужно, она заплатит психологу, чтобы он проконсультировал её дочь; хвасталась тем, как много денег тратит на лечение дочери и уход за ней (Катя — больная девочка). Я смотрел на неё и думал о Кате: «Бедная девочка!»

К сожалению, я сам однажды чуть не поссорился с Катей. Это было в самом начале года, когда я ещё толком её не знал.

Мы писали самостоятельную работу.

По нашим правилам во время такой работы нельзя ни с кем переговариваться, если же кто-то нарушает это правило, я имею право забрать работу и поставить оценку за то, что уже сделано. И вот Катя одна из первых нарушила этот запрет, и я счёл нужным применить наше правило — забрал её работу. Какое у неё было лицо! Никогда не видел такого выражения боли и в то же время ненависти: Катя — девочка не очень красивая, но лицо у неё доброе и умное, а тут... Когда же я отдал её тетрадь, она (уже в конце урока) вернула мне её с запиской: «Я Вас НЕ-НА-ВИЖУ!!!» Я перевернул эту жалкую бумажку и написал на обороте: «А я, наоборот, к тебе очень хорошо отношусь». И вложил в тетрадь.

На следующий день Катя, войдя в класс, со мной не поздоровалась, но, прочитав мой ответ, растерялась. Сидела растерянная, несчастная и, конечно, вызывала у меня огромную жалость. Но — шёл урок. А после урока Катя, дождавшись, пока все выйдут, подошла ко мне извиняться.

Катя тянулась ко мне, я это ясно видел: стала приносить книги из своей домашней библиотеки. Но в то же время меня боялась. Такие несчастные одинокие дети тянутся к взрослым, потому что в глубине души надеются, что кто-то из них даст им то, чего они лишены и в чём так нуждаются. Но одновременно они боятся сближения, потому что их душа — как обнажённая рана, любое прикосновение вызывает боль. В общем, мои отношения с Катей — как ходьба по проволоке высоко от земли и без страховки.

Но главным образом меня занимало всё-таки не это: я хотел, чтобы Катя нашла себя в классе, чтобы её приняли и полюбили дети. Как это сделать? И разве только с ней одной такая проблема?

Вот Жора, он тоже поначалу входил в число «изолированных». Его даже можно было назвать «самым изолированным», потому что он постоянно жестоко обижал де-

вочек, а наш класс девичий: из 30 детей только 9 мальчиков. Понятно, что девочки его терпеть не могли. Жора — симпатичный и неглупый мальчишка, но его бросили родители: они живут в другой стране, а он здесь, в России, с бабушкой и дедушкой. Бабушка и дедушка у него хорошие, и всё-таки боль в его душе очень сильна.

Вот как вёл себя Жора в начале года. Идёт один из первых уроков литературы. Тамара в нём не участвует: играет фишками. Игра фишками на уроке в данном случае не нарушение дисциплины, а самопсихотерапия. Поэтому я Тамаре ничего и не говорил и оказался прав: как выяснилось, она обожает стихи, артистична, эмоциональна и на уроках литературы стала одной из «звёзд». Но это потом.

А пока Тамара на меня не смотрит, не слушает и играет фишками. Жора сначала пытается на неё наябедничать! Видя, что я на его «доносы» не обращаю внимания, он сбрасывает на пол часть фишек. Ссора. Но я не обнаруживаю желаний вмешаться. На перемене — скандал: Тамара плачет. Жору девочки не выпускают из класса. Мне приходится вмешаться, но с Жорой разговаривать бесполезно: он во всём прав...

Жора часто остаётся после уроков поговорить со мной. У него потребность в старшем друге, близком взрослом и, видимо, именно в мужчине. Его всё интересует: мои родители, мои увлечения, даже мои часы и моя сумка. После уроков это интеллигентный и вежливый ребёнок. А на уроке, при всех, он опять ехидничает, кривляется, всех задирает.

Тамара — армянка. Она жизнерадостная и счастливая, но болезненно самолюбивая девочка: стремится быть первой, хочет показать себя. И ещё: Тамара часто плачет. Её легко обидеть, и обиду она переживает бурно, тяжело, хотя и быстро «отходит». Признаться, поначалу такая ранимость меня удивляла: счастливые дети не очень чувствительны к обидам, довольно устойчивы эмоционально. А Тамара счастливый ребёнок: её любят родители, у неё есть младшая сестра.

И вот однажды, когда её в очередной раз чем-то задел Жора и она горько заплакала, уткнувшись лицом в сложенные руки, заплёбываясь, вздрагивая, а я подошёл и положил ей руку на плечо, меня вдруг осенило: да ведь Тамара армянка! Сколько веков этот народ был гоним! Это её архетип, её генетическая память! Когда Тамару обижают, ей кажется, что так теперь будет всегда: её будут унижать, травить, ненавидеть...

Тамара очень тонкий человек, любит стихи и хорошо их читает: она одна из всего класса может не просто прочесть, а «прожить» стихотворение, и каждая мысль, каждое чувство отражается на её прекрасном, подвижном, переменчивом, как небо в ветреную погоду, лице. И я подумал: ведь должен же кто-то быть рядом с ребёнком, когда ему плохо. Кто-то сильный и добрый. Может быть, Тамара почувствовала не только тепло моей руки и мою готовность помочь, но и то, что я её понял?

Увы, ранимый человек часто, сам того не понимая, «вызывает огонь на себя» — провоцирует других на то, чтобы они его оби-

жали, именно потому, что больше всего этого боится. Предполагая в других стремление обидеть, он вызывает его к жизни, как джинна из бутылки, и убеждается, что люди бывают злыми и жестокими. Формируется порочный круг несчастья, и человек ожесточается.

А какая чудная девочка — Алёна Карпова! Её мама — учительница русского языка и литературы. Алёна высокого роста, в маму, и очень похожа на неё: обычно она серьёзная, оживлённо-уверенная, у неё великолепное чувство собственного достоинства. Одно удовольствие видеть, как она входит в класс, здороваются, как держится, разговаривает. Графиня, да и только!

Но она слегка «зациклена» на учёбе. Алёна прекрасно учится и вовсе не честолюбива, как, например, Оля: в её отношении к оценкам нет ничего болезненного. Но она думает, что всё знать и уметь — очень важно: учительский ребёнок! Поэтому редкие учебные неудачи приводят её в состояние лёгкой растерянности.

Алёна хороша собой и смотреть на неё на уроке одно удовольствие: лицо тонкое, интеллигентное, с богатой мимикой и умное-умное. Она очень доброжелательна. У нас в классе несколько детей с таким же замечательным чувством собственного достоинства, как у Алёны: Ира Кузьмина, Аля, Ксюша, Венья и Миша, Аня Барвихина.

Аня — дочь врачей: и мама, и папа у неё медики. Хотя Ане всего 12 лет, она отличается высоким ростом, статностью, белым лицом, солидностью, спокойствием. Она мало говорит, никогда не лезет вперёд, но если скажет, то идеально точно и лаконично: ни добавить, ни убавить. Она чрезвычайно внимательна, собранна, точна, и это без малейшего напряжения, без всякой демонстрации своего усердия. Когда ни посмотришь на неё, Аня всегда сидит прямо, смотрит спокойно и внимательно и по глазам видно: всё понимает. Хорошим врачом будет наша Аня! Странно, но почему-то я уверен, что она станет, как папа с мамой, именно врачом: она

и сейчас уже похожа на врача, только белого халата не хватает.

Но есть и у Ани недостаток: она никем в классе по-настоящему не интересуется и ни с кем не общается, кроме своей подруги и соседки Алёны Чукиной.

Они с Аней чрезвычайно законопослушны. Вот идёт перемена. Я стою у первой парты, разговариваю с Олей. Звенит звонок, на который никто не реагирует, потому что это первый звонок. Но Аня и Алёна послушно встают за своей партой. Потом оглядываются, видят, что урок ещё не начинается, и садятся. Молча...

Люся тоже молчит, но совсем по-другому. Она боится говорить. Она робка, застенчива, одинока: живёт с мамой, и её мама — человек не очень счастливый. На лице у Люси обычно выражение испуга, робости. Она заикается, у неё очень тихий голос. Люся большая девочка, довольно полная и вся мягкая, будто плюшевая, но и сидя за партой, и двигаясь по классу, она горбится, съёживается — и достигает своего: её никто не замечает. Как-то она не пришла в школу, я спросил уже ближе к концу урока: «А что с Люсей, кто знает?» Все удивились: «А разве её нет? Мы и не заметили». Равнодушно так удивились...

Есть в классе замечательная девочка Карина!

Как-то писали мы работу по развитию речи на тему «Внешность и характер». Каждый должен был принести с собой портрет — живописный или фото, чтобы по нему писать. В начале урока кто-то из детей решил посоветоваться со мной: хороший ли у него портрет. Остальные «заразились»: пришлось мне смотреть всё, что они принесли, и обо всём высказываться. И вот Карина притащила вырезку из иллюстрированного журнала с изображением какой-то эстрадной звезды (как потом выяснилось, Бритни Спирс): стандартный рекламный снимок, заученная улыбка, косметика, лицо, как у куклы, — я сказал, что написать хорошее сочинение по этой фотографии невозможно: это не живой человек, а кукла — здесь нет характера, индивидуальности. Сказал довольно решительно. А дальше

мне пришлось удивиться: Карина заплакала, а ведь она никогда не плачет. Но писать всё же стала по этому портрету. Оказалось, что Бритни — её кумир, её идеал, она обожает певицу и считает образцом совершенства. Но я-то этого не знал и в результате очень обидел Карину, потому что не оценил её идеала! Но она не отступила, не взяла другой портрет из тех, что принёс я или другие дети. И написала прекрасное сочинение. Как я был этому рад! Конечно, почти всё, что она писала о Бритни, — миф, иллюзия, но в каком-то ином смысле это и правда: правда не о Бритни, а о человеке, о том, каким он может и должен быть.

У ребёнка обязательно должен быть идеал, хотя детям очень свойственно отождествлять его с конкретным человеком. Ничего, подрастут — поймут. А разрушать идеал ребёнка ни в коем случае нельзя.

Следующий урок я начал с того, что извинился перед Кариной, прочёл её сочинение — прочёл с восхищением, а потом сказал: «Карина не просто написала хорошую работу: на это способны вы все, а проявила самостоятельность и независимость и доказала, что была права она, а не я. За это я её очень уважаю». Карина при этом слегка покраснела, но глаз не опустила — она смелая, и глаза у неё заблестели. Есть дети, которым не очень-то нужна любовь учителя (Карина как раз из их числа), но уважения старшего, взрослого жаждет каждый ребёнок.

А в конце года был у нас ещё такой случай. Мы опять что-то писали, и я стал по-учительски кого-то вразумлять, что вот, мол, надо не так, а так писать. Вдруг они почти всем классом как завопят: «Он имеет право на своё мнение!!!» Я замолчал, сел и думаю: «Ну, молодцы!» Это мы с Кариной их так воспитали.

Надя дружит с Юлей. Но только на уроках. В остальное время она всегда с Полиной. Надя и Полина — дети из бедных семей: они плохо одеты, у них нет новомодных ручек и калькуляторов, нет тамагочи и Барби, они не ходят в школьный бар есть мороженое. Полине и уроки делать дома негде, так что она нередко их и не готовит.

Можно ли учить бедных детей в одном классе с богатыми? Кто думает об этом?

Антон — красивый мальчик, эдакий стройный блондин, но он удивительно груб и неотёсан: что ни сделает — плохо, что ни скажет — невпопад. Невоспитанность Антона больше всех возмущает Лизу, но она возмущается молча — очень деликатный и мягкий человек. Хотя человек ли? Я иногда думаю, может быть, Лиза не человек, а ангел? У неё всегда ровное, хорошее настроение, никогда она ни с кем не ссорится. Лиза очень беленькая: у неё светлые волосы, очень светлая, почти прозрачная кожа, носик курносый-курносый, глядящий прямо в небо, и светло-голубые глаза с непередаваемым выражением чистоты, наивной кротости, свежести и доброты. Лиза меня любит и поэтому очень старается. Она вообще старательная, мотивы у неё альтруистичны: она старается, *чтобы доставить мне удовольствие!* Она очень скромная, даже немного не уверенная в себе, и совершенно бескорыстная. Лиза малозаметна в классе, но какая радость видеть эти устремлённые на тебя неземные глаза, это чудное лицо!

...Лена очень иронична. Вот Ася на перемене рисует на доске гепарда, гепард не очень получается. Рядом стоит, склонив голову набок и скептически улыбаясь, Лена и язвит: «Где ты видела такого гепарда? А, я поняла: это ты рисуешь своего кота Барсика после того, как ты его постирала в стиральной машине и повесила сушиться на верёвочке!» Язва. Язычок острый, как бритва. Независима, с большим чувством собственного достоинства. Исключительно оригинально, а порой и парадоксально мыслит. Как все такие люди, резка, о неё можно уколоться, а то и серьёзно пораниться. Как-то она поднимала руку, а я спрашивал-спрашивал, а её не спросил. Заговорил уже о другом, но тут меня остановила бдительно-едкая Оля: «Между прочим, Лена тоже кое-что хотела сказать!» Я — Лене: «Извини, пожалуйста, я тебя слушаю». Но Лена только буркнула: «Поздно! Раньше надо было слушать!» А ведь она на редкость добрая, хорошая девочка. Как важно, чтобы индивидуальность Лены не стала ей во вред, чтобы она нашла полезное применение своим способностям и её оценили другие.

Настя Ковалёва — очень интересный ребёнок. Она маленькая, тощенькая, рыженькая, взгляд у неё остренький, плечи остренькие, носик остренький и даже ушки остренькие — вся такая очень колючая девочка. На то есть свои причины. Настя сидит за первой партой: она почти слепая. Я её называю «слепой цыплёнок». Когда нужно что-то

списать с написанного на доске, Настя ничего не видит, даже надев свои «окуляры» (так называют дети очки с очень толстыми стёклами), поэтому подходит к доске (нашими правилами это не запрещено) и, уткнувшись в неё, разбирает написанное. При этом закрывает доску и класс ничего не видит.

Когда она проделывала этот маневр в начале года, это неизменно приводило к скандалам: на неё шикали, делали ехидные замечания («Отойди!», «Ты не стеклянная!»), она так же грубо отвечала. И это была её позиция в классе: вечно в позе самозащиты. Вот почему она так похожа на ежа. Настя недоброжелательна к своим одноклассникам: ей легче сносить их уколы и насмешки, считая, что они не слишком-то хорошие люди, — стоит ли обращать на них внимание?

Много пришлось поработать, чтобы Настя отмякла, перестала щетиниться в агрессивной позе самозащиты.

В целом атмосфера в классе была недружественной. Дети старались обратить на себя внимание — так приучены: кто первый «вылезет», поднимет руку, скажет — тот и молодец. Друг к другу относились как к конкурентам, коллектива никакого, лидеров и общественного мнения нет и в помине.

Быть может, иной читатель ужаснётся и скажет: «Какой тяжёлый класс!» Я работаю с детьми двадцать лет, каждый год у меня два-три, а то и четыре класса, и я могу сказать с чистой совестью: этот класс — один из самых благополучных из всех, какие у меня были.

Но сколько и в этой маленькой частичке современного человечества никому не ведомого одиночества, боли, проблем, бед и несчастий! **НО**

